

ния значительной части людей в эпоху глобальных перемен, когда, вырвавшись на свободу из жестких рамок атеизма, оно фанатично стремится найти опору в самых различных мировоззренческих идеях, относящихся к разноплановым и разностадиальным религиозным системам.

Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М., 1992.

Алоева Н.Г. Культ обо и культ горы как проявление общего и особенного в религии народов Центральной Азии // Этнос, ландшафт, культура: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 36–40.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.

Кагаров Е.Г. Монгольские обо и их этнографические параллели // Сб. МАЭ. Пг., 1927. № 6. С. 115–125.

Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб., 2002.

В.А. Прищепова

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В МАТЕРИАЛАХ МАЭ (ФОТОКОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ НАРОДОВЕДЕНИЯ: 1920–1930 гг.)

Со второй половины 1920-х годов МАЭ пытался восстановить разрушенную систему плановых экспедиций и пополнения коллекционного фонда музея. Но случались лишь единичные поездки по изучению культуры народов Средней Азии и Казахстана. Самый крупный вклад в эти годы внесла Среднеазиатская этнологическая экспедиция (1926–1929), которая работала под руководством И.И. Зарубина. За четыре года сотрудники экспедиции охватили огромную, но ограниченную рамками исследовательской тематики территорию. Многие народы региона в 1920-е гг., не оказавшиеся в поле зрения участников именно этой экспедиции, не были представлены в иллюстративном фонде музея (за исключением поступления единичных коллекций).

Поэтому особенное значение придавалось поступлению в музей тринадцати коллекций (МАЭ, коллекции И–1860, И–1861, И–1862, И–1863, И–1864, И–1865, И–1888, И–1889, И–1902, И–1903, И–1904, И–1905, И–1906) из бывшего Государственно-го Центрального музея народоведения Москвы (1924–1948) по этнографии и истории каракалпаков, казахов, киргизов, таджиков, туркмен и узбеков 1920–1930-х гг., которые существенного дополняли иллюстративные коллекции по народам региона.

МАЭ не был единственным наследником коллекционных фондов Музея народоведения [Сластникова 1992]. Центральный музей народоведения в Москве был создан в 1924 г. на основе коллекционных собраний Румянцевского и Дашковского музеев. Позже его переименовали в Музей народов СССР. Фонды музея пополнились также экспонатами Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г. в Москве и коллекциями, которые передали из Исторического музея, Государственного музейного фонда и музея бывшего Строгановского училища. После закрытия Музея в 1948 г. большую часть его фондов передали в Государственный музей этнографии народов СССР в Ленинграде [Российская музейная энциклопедия 2001: 8].

В 1954 г. через Московское отделение Института этнографии АН СССР, Ленинградской частью которого был в те годы МАЭ, состоялась передача тринадцати упоминавшихся выше иллюстративных коллекций. Они состояли из более чем шести с половиной тысяч негативов, стеклянных (размером 9 × 12 см и 13 × 18 см) и пленочных, и отпечатков с них. Регистрационные описи к коллекциям были составлены в начале 1960-х гг. В тех случаях, когда в состав коллекции входят отпечатки, фотоснимки наклеены на лист тонкого картона, сложенного пополам. Верхняя часть картона прикрывает снимок. Над фотографией содержится коллекционный номер Музея народоведения. Краткие текстовые надписи под изображениями присутствуют не всегда. Фотографии трех коллекций (МАЭ, колл. И-1902, И-1904, И-1905) наклеены на паспарту МАЭ.

В количественном отношении изображения коллекций по представленным в них народам распределены не одинаково. Наибольшее их число относится к узбекам (более 2500) и казахам (более 2300), значительно меньше по таджикам (более 500), киргизам (около 500), каракалпакам (более 350) и туркменам (более 250).

На основании изучения музейной документации (книги регистрации коллекций) выяснилось, что большинство изображений, полученных из Музея народоведения, было передано в МАЭ в виде стеклянных и пленочных негативов. Фотографии входят в состав лишь пяти коллекций (МАЭ, колл. И-1902 по таджикам, И-1903 по киргизам, И-1904 по туркменам, И-1905 по казахам, И-1906 по узбекам). Общее количество фотографий составляет около семисот, т.е. большинство коллекций Музея народоведения состоит из негативов.

К иллюстративным коллекциям, переданным из Музея народоведения, был составлен список 137 изъятых негативов, переданных в особый фонд. В их число вошли отсутствующие изображения, «плохие по качеству», а также портреты Кагановича, Куйбышева, Фрунзе и партийных чиновников Узбекистана.

Большинство иллюстративных материалов относится к 1920–1930-м гг., отдельные — к 1940 г., хотя среди них встречаются и более ранние, конца XIX в. Источниками формирования коллекций стали открытки Союзфото, копии из печатных изданий, съемки, сделанные во время декады национальных искусств в Москве и экспедиции. Имена собирателей указаны лишь в нескольких случаях. Например: А.Х. Дэвлэт, Е.И. Махова.

Внутри каждой коллекции фотоматериалы подобраны по темам, приблизительно по одной схеме: природные условия, типы населения, земледелие, ирригация, скотоводство, промышленность по отраслям, торговля, пути сообщения и транспорт, ремесла и промыслы, современное строительство, виды городов, селений (с типами хозяйственных и жилых построек). В отдельные рубрики в коллекциях выделены портреты знатных людей каждой республики и фотографии, посвященные подготовке новых кадров, культурному строительству и здравоохранению. В иллюстративных коллекциях нашли отражение известные памятники архитектуры, в том числе религиозные сооружения, и снимки по истории Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств.

Главной задачей собирателей было показать бурный рост преобразований в области национальной политики и культуры народов Средней Азии и Казахстана. Основное внимание в коллекциях уделено современности — разрушению или трансформации традиций в условиях глобальных социальных перемен, борьбе на местах за установление советской власти, подготовке специалистов для промышленности, сельского хозяйства, кадров для партийной работы, успешному строительству современных ирригационных систем, земельной реформе, сельской механизации, созданию новых производств. Часть изображений характеризует изменившееся положение женщин Востока, создание системы здравоохранения и народного образования в годы становления новой политической системы.

Наряду с показом новаций собиратели коллекций не могли не заметить сохранение многих традиций в занятиях населения (ведении хозяйства, земледелии, животноводстве, торговле). Например, самой популярной выращиваемой культурой является хлопок. Коллекции Музея народоведения содержат изображения по этой теме. Большое количество фотографий иллюстративного собрания МАЭ посвящено возделыванию хлопка и различным этапам его обработки.

Сюжеты с работающими сапожниками, швеями, другими ремесленниками, тубетечными рядами на базарах и ярмарках Самарканда и Ташкента из коллекций Музея народоведения (МАЭ, колл. И–1860–506–511, 569, 571–573) напоминают изображения типов торговцев различными товарами со снимков отдела Центральной Азии МАЭ конца XIX – начала XX в.

Традиционное жилище таджиков и узбеков в рассматриваемые годы, судя по материалам Музея народоведения, изменилось незначительно: здания европейского типа строили в основном для учреждений (МАЭ, колл. И-1860-564, 575). Жилые дома, представлявшие собой глинобитные постройки, в крупных населенных пунктах сохранялись на улицах старой части городов (МАЭ, колл. И-1860-565, 567, 568, 570-576) и в кишлаках.

В конце 1920-х гг. киргизы, проживавшие на севере, на реке Сусмыр, продолжали кочевать, переезжать с одного пастбища на другое. Юрту они перевозили, как это делали их далекие предки, на верблюдах (МАЭ, колл. И-1903-170). Фотографии Музея народоведения по киргизам были выполнены предположительно в 1927 г. в Алайской долине.

Один из снимков (МАЭ, колл. И-1903-171) запечатлел убранство, как указано под снимком, «богатой юрты». В верхней части изображения видна часть деревянных жердей юрты. Вдоль стены стопки одеял, покрытий, ящичков, на которые постелены тюфяки, на них лежат подушки, постель. На следующей фотографии (МАЭ, колл. И-1903-172) показано устройство этой же юрты изнутри. Деревянные жерди, стягиваются орнаментированными широкими ткаными лентами. На снимке видно, что стены юрты состоят из войлока, разноцветных циновок, деревянных решеток и в нижней ее части узорного войлока с бахромой. Здесь же присутствует часть хозяйственного интерьера: кухонная утварь висит на стене и стоит на полу.

Участники поездок 1929-1932 гг. зафиксировали в одном из совхозов Чуйской долины возведение первого стационарного жилья. Оно представляло собой одноэтажную постройку с тростниковыми стенами и крышей, обмазанными глиной (МАЭ, колл. И-1903-82, 85).

На фотографиях Музея народоведения 1936-1938 гг. показано, что передвижения по местным путям сообщений осуществлялись традиционным способом. Мужчины ездили верхом на лошадях (МАЭ, колл. И-1860-502; И-1903-145) и верблюдах (МАЭ, колл. И-1903-159). Зимой киргизы перевозили женщин на санях, как на снимке 1937 г. «Киргизы отправляются на перевалы советов» (МАЭ, колл. И-1903-160). Грузы, доставляли, как, например, до пристани в Рыбачьем в 1931 г., караваны навьюченных верблюдов (МАЭ, колл. И-1903-165). Таким же образом перевозили топливо из саксаула (МАЭ, колл. И-1860-501) и юрту во время перекочевки (МАЭ, колл. И-1903-170).

Женщины-киргизки были смелыми наездницами. Во время экспедиции 1937 г. в бассейн реки Сусамир в северной Киргизии сфотографирована такая женщина с ребенком верхом на лошади

(МАЭ, колл. И-1903-163). Ребенок сидит у нее за спиной. Из конского убранства виден лишь потертый чепрак из ткани. Парадный вышитый бархатный чепрак показан на другом снимке (МАЭ, колл. И-1903-164).

Старая дорога на летнее пастбище (МАЭ, колл. И-1903-133, 134) показана на снимке Е.Н. Маховой 1940 г. Рядом с ним велось строительство высокогорной дороги по территории Тянь-Шаньской области Киргизии.

Элементы традиционности сохранялись также в костюмах населения. На фотографиях 1936 г. строительства Велико-киргизского тракта и моста показаны мужчины в тибетейках, киргизских войлочных шляпах, плоских круглых шапках с меховой опушкой и длинных халатах (МАЭ, колл. И-1903-137, 145). На фотографиях 1937 г. киргизский мужской и женский костюмы оставались старинными (МАЭ, колл. И-1903-159, 160). На портрете киргизки с ребенком (1937 г.) показан большой белый платок с рисунком, видимо русского производства, концы которого перекрещены под подбородком и повязаны сзади. На ней плюшевое пальто или халат. На ногах сапоги с галошами. Ребенок с коротко стриженными волосами держит в руках мужскую шапку (МАЭ, колл. И-1903-163). Одежда и головные уборы киргизских мальчиков были такими же, как и у мужчин. На другом снимке рядом стоят мальчик и мужчина. На них надеты одинаковые шапки с круглым верхом и широкой меховой опушкой, стеганные халаты и сапоги.

В подборе изобразительных материалов коллекций Музея народоведения 1920-1930-х гг. очевидна пропагандистская цель: противопоставить традиционные и новые реалии, подчеркнуть преимущество последних. Для исследователей в наши дни главным является отражение в этих коллекциях сохранившихся традиций. Хотя фрагменты нового в жизни местного населения на фотографиях 1920-1930-х гг. сегодня тоже стали этнографической стариной.

Например, в разделах «Ирригация» и «Сельское хозяйство» наряду с малочисленными изображениями старинных способов орошения десятки раз зафиксированы тогдашние новые ирригационные системы в Ташкентском районе, Самаркандской области, Фергане, а также грандиозное строительство в Узбекистане тех лет Чирчикстроя (МАЭ, колл. И-1860). Фотографии с традиционной обработкой земли и зерна в Бухарской области, Самарканде и Ходженте соседствуют со снимками механизированного труда.

В материалах коллекции Музея народоведения 1925 и 1937 гг. представлены некоторые виды сохранившихся ремесел и кустарных промыслов (МАЭ, колл. И-1860-373-378, 382, 384-388, 390, 398, 408, 420-428): набоечные, красильные, швейные, вышивальные, в том числе золотошвейные, ювелирные, артели и

цеха по изготовлению кирпича, музыкальных инструментов, обработке кожи, лавочки-мастерские гончаров, резчиков по ганчу, работеечников Андижана, Самарканда, Бухары.

Сюжеты фотографий Музея народоведения дополняют изображения фотоальбома 1870–1872 годов К.П. Кауфмана «Туркестанский альбом» из фондов МАЭ, значительная часть которых знакомила с различными промыслами и ремеслами. Почти каждый вид ремесла сопровождал снимок набора инструментов мастера.

Группа снимков Музея народоведения 1938 г. (МАЭ, колл. И–1860–409–419) посвящена учебно-производственному художественному комбинату Ташкента, в котором молодые люди обучались, а затем работали в деревообделочной, ковровой и керамической мастерских. Материалы, связанные с деятельностью этого предприятия, особенно интересны для истории комплектования коллекций отдела Центральной Азии МАЭ. В 1938 г. МАЭ отправил в командировку в Ташкент В.В. Екимову для обмена коллекциями с Узбеккистанским музеем искусств. Она привезла в числе многих других вещей продукцию мастерских учебного художественного комбината — работы лучших мастеров и их учеников взамен коллекции из 252 образцов бухарских кустарных шелковых, полупшелковых и бархатных тканей XIX в. из подарков эмиров царской семье.

Дальнейшее изучения иллюстративных коллекций Музея народоведения в сочетании и сопоставлении с другими собраниями МАЭ, с привлечением опубликованных сведений значительно расширяет источниковедческую базу по этнографии народов региона.

Сластникова Л.А. Коллекции бывшего Музея народов СССР по Дагестану в фондах Государственного музея этнографии // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1990–1991. СПб., 1992.

Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. II.

Р.Р. Рахимов

ТРАДИЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН

Традиция в условиях перемен — тема практически неисчерпаемая. Ее можно рассматривать на протяжении неограниченно длительного времени в бесконечном множестве аспектов, в частности в историко-культурном, сравнительно-этнографическом, религиозно-этнографическом и т.п. освещении.

Перемены, которые происходят в настоящее время в различных сферах культуры и быта народов на постсоветском простран-